

УДК 347.4

Пантюшина Валерия Павловна

Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при

Президенте Российской Федерации

Россия, г. Екатеринбург

pantyushina.valeria@yandex.ru

Pantyushina Valeria Pavlovna

The Private Law Research Centre under the President of the Russian

Federation named after S.S. Alekseev

Russia, Ekaterinburg

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Аннотация: в данной статье рассматриваются подходы к определению понятия смарт-контракта и блокчейна. Представлены современные взгляды ученых и правоведов на перспективы правового регулирования, а также поднимаются проблемы, связанные с регулированием смарт-контракта.

Ключевые слова: смарт-контракт, блокчейн, элементы смарт-контракта, признаки смарт-контракта, правовое регулирование

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF SMART CONTRACTS

Annotation: this article discusses approaches to the definition of the concept of smart contract and blockchain. The modern views of scientists and jurists on the prospects of legal regulation are presented, as well as problems related to the regulation of a smart contract are raised.

Key words: smart contract, blockchain, elements of a smart contract, signs of a smart contract, legal regulation

Согласно работе Н. Сабо «Smart Contracts. Essays on Smart Contracts, Commercial Controls and Security» под «смарт-контрактом» понимается компьютерный транзакционный протокол, позволяющий осуществлять исполнение и контроль за исполнением условий договора [21]. Цель организации такого механизма заключалась в отказе от посредников в рамках реализации договора. Примером смарт-контракта в работе Н. Сабо был указан автомат, осуществляющий самостоятельно продажу товаров, выдавая их автоматически при внесении на его счёт денежных средств.

В дальнейшем рассматриваемый термин стали связывать с понятием «блокчейн». Данный термин в прямом своём переводе с английского понимается как «цепочка блоков» и отождествляется с децентрализованной базой данных [4, с.27-39]. Сферой применения такой сложной системы является система платежей с помощью криптовалюты непосредственно между участниками, при этом транзакции в данном случае не могут быть отменены либо приостановлены. Таким образом, данная система направлена на обеспечение гарантированности исполнения обязательств.

Международная ассоциация юристов опубликовала доклад, в соответствии с которым блокчейн признаётся реестром, содержащим записи транзакций [20]. Каждая транзакция заверяется криптографическими подписями участников после достижения ими соглашения и вносится в реестр в качестве нового блока в цепочку записей, при этом персональные данные при просмотре записей не отображаются.

При этом в законодательстве Российской Федерации не содержится определения «блокчейн», что в теории и практике ведёт к разрозненному толкованию. Так, например, ряд правоведов считает, что его следует признавать информационной системой и урегулировать вопросы в области права на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8, с.25-32].

Как уже было отмечено, понятие «блокчейн» и «смарт-контракты» обуславливают друг друга. Предполагается, что установление первого могло бы определить существенные признаки второго и раскрыть его правовую природу, которая в настоящее время вызывает как в теории, так и на практике дискуссии.

В части урегулирования применения смарт-контрактов предпринимались попытки регламентирования данного явления в законодательстве РФ. Так, Правительству Российской Федерации совместно с Банком России перечнем поручений Президента Российской Федерации от 21 октября 2017 г. N Пр-2132 было указано обеспечить внесение в нормативно-правовую базу изменений в рамках программы «цифровая экономика», в частности – определить статус «смарт-контрактов» [17].

Исходя из проекта Федерального закона N 419059-7 «О цифровых финансовых активах», принятого ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018, под «смарт-контрактами» должны были пониматься «договоры в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которым реализуется путём совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределённом реестре в строго определённой таким договором последовательности и при наступлении определённых им обстоятельств» [18].

Исходя из указанного, смарт-контракт отождествляется с договором. Данная позиция является преобладающей и в научной литературе. Так, например, О.С. Болотаева считает смарт-контракт договором в силу установления в нём прав и обязанностей сторон, целевой направленности на возникновение, изменение и прекращение правоотношений, а также наличия воли участников на совершение сделки [5, с. 69-78].

Ряд авторов конкретизирует, что данный вид договоров является цифровым и самоисполняемым, что предполагает наличие заранее предусмотренных условий договора и неотвратимость их реализации в рамках смарт-контракта [14, с.10].

А.И. Савельев воспринимает смарт-контракт как договор, выраженный в форме программного кода, в системе блокчейн, исходя из чего любое исполнение данного типа договора должно признаваться надлежащим [13, с. 29 - 45].

Если более детально рассмотреть процедуру реализации смарт-контракта, то стороны задают условия его исполнения, выражают своё согласие на осуществление сделки путём использования цифровой технологии. Исходя из этого, можно сделать вывод, что автоматическое исполнение установленных сторонами условий смарт-контрактом не исключает выражения воли субъектов договора на его заключение и исполнение.

В данном контексте интересен вопрос формы договора. Е.В. Олейник определяет смарт-контракт как договор, написанный на языке программирования [12, с. 307-313].

Если рассматривать смарт-контракт с точки зрения его построения, то он имеет договорную конструкцию, характеризующуюся электронной формой, автоматическим исполнением на основании предусмотренных в нём условий, невозможностью внесения правок в смарт-контракт, записанный в блокчейн.

Исходя из этого возможно предположить, что существующие в настоящее время договоры в большинстве своём могут выступать смарт-контрактами. Но нужно акцентировать внимание на том, что для исполнения обязательства по смарт-контракту, необходимо определение его условий, из чего следует, что реальные договоры не могут быть организованы в настоящий период в форме смарт-контракта. Также смарт-контрактами не могут выступать договоры, требующие государственной регистрации, например, договор аренды недвижимости, заключаемый на срок не менее года, в силу отсутствия порядка регистрации смарт-контракта.

При этом перед заключением смарт-контракта стороны должны точно определить его условия в силу неизменности смарт-контракта и невозможности изменения, дополнения его новыми вводными. Смарт-контракт

автоматизирован, что наделяет стороны ответственностью за исполнение обязательства ещё на этапе его согласования.

Важно отметить, что Федеральным законом от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» были внесены дополнения в ст. 309 Гражданского кодекса РФ (далее - ГК РФ), регламентирующую общие положения об исполнении обязательств. Так, «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение её сторонами возникающих из неё обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путём применения информационных технологий, определенных условиями сделки» [1].

В 2018 году S7 Airlines, «Газпромнефть-Аэро» и Альфа-Банк провели заправку самолета с использованием смарт-контрактов. Технология смарт-контрактов позволила S7 Airlines предварительно согласовать объем и цену топлива с поставщиком, далее в банк была направлена онлайн-заявка на резервирование денежных средства. По окончании заправки средства списались, а вся процедура заняла 60 секунд [19].

Основной проблемой заключения смарт-контрактов между различными государствами является определение личного закона государства в силу применяемых информационных технологий при реализации смарт-контрактов, так как возможна ситуация, при которой IP-адрес может быть зарегистрирован в одной стране, а участник правоотношений может являться представителем другой, что создаёт практическую и теоретическую проблему надлежащего определения применяемого права [10, с. 26-33].

Если исходить из того, что смарт-контракты приравниваются к договорам, то применимое право должно определяться на основании коллизионных привязок, к которым возможно отнести: время и место заключения сделки, место исполнения обязательства, личный закон участника

договора. Однако вернёмся к тому, что проблемой как раз выступает невозможность определения названных обстоятельств при применении блокчейна и реализации смарт-контракта, что свидетельствует об одном из недостатков применения цифровых технологий при осуществлении сделок между субъектами различных иностранных государств.

Помимо указанных проблем, при практической реализации возникают трудности с идентификацией субъектов в силу того, что при проведении сделок при помощи смарт-контракта сохраняется анонимность их участников. А в части выбора места совершения сделки субъекты вольны использовать любую локацию, что, как отмечается, в теории гражданского и международного права, «делает невозможным применение традиционных правил выбора применимого права» [15, с.109].

Наряду с названным проблемным аспектом возникает вопрос в части судебной защиты, который, стоит признать, актуален не только в плоскости рассмотрения взаимоотношений между субъектами различных государств, но и в рамках национального права. В силу ст. 28 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) «иск предъявляется в суд по месту жительства ответчика. Иск к организации предъявляется в суд по адресу организации» [2].

Однако в данном случае возникают вопросы в части определения подсудности, хотя и так вопрос осуществления судопроизводства оставался бы открытым в силу неопределённости в части его процессуальной организации и установления материальных спорных правоотношений.

Исходя из вышеописанных проблем в части правового регулирования и определения в рамках него применимого права целесообразно для смарт-контрактов установить, что право должно определяться исходя из точки доступа сервера либо страны, которая организует системное обеспечение исполнения смарт-контракта. Данное предложение вытекает из мнения, что стороны будут обращаться к субъектам, специализирующимся на применении

информационных технологий, в целях проведения сделки и организации «интеллектуального анализа данных и методов подсчёта» [16, с.110].

Таким образом, коллизионными привязками могут служить следующие формулировки: право страны нахождения сервера; право страны преимущественного осуществления деятельности технического специалиста; личный закон физического или юридического лица, являющегося собственником сервера или предоставляющего услуги по техническому сопровождению смарт-контракта [6, с. 24 - 27].

Следующим дискуссионным вопросом в данной области выступает неопределённость самостоятельного выбора субъектами правоотношений в рамках смарт-контракта применяемого права.

М.В. Мажорина предлагает исходить из двух направлений разрешения названного вопроса:

- 1) выбор права конкретного государства в качестве применимого права;
- 2) определение в части смарт-контракта специализированных норм, устанавливающих специальные правила его реализации. Таковыми предложено считать «негосударственные нормы, закреплённые путём проведения неофициальной кодификации» [11, с.100-113].

Представляется, что данный подход неприменим сейчас и следует основываться на праве тех государств, которые уже ввели понятие смарт-контракта в свою законодательную систему и преимущественно осуществляют практическую деятельность в части их применения.

Также в литературе освещается точка зрения, согласно которой смарт-контракт сам может определить применимое право исходя из условий, которые будут ему заданы [15, с.109]. Примером может служить договор купли-продажи движимого имущества, по которому применимое право следует определять по месту нахождения предмета договора.

Однако представляется, что данное мнение основано на дальнейшей перспективе совершенствования механизма реализации смарт-контракта, так

как данный процесс должен строиться на определённом программном коде и следует признать, что в настоящий период цифровые технологии не способны обеспечивать обработку таких массивов данных и предусматривать все «тонкости» проведения сделок с коллизионными привязками.

В данном контексте уместно упомянуть о том, что в принципе не все авторы согласны с позицией, в соответствии с которой смарт-контракт отождествляется с договором и поэтому может быть урегулирован по аналогии с ним.

Так, Е.А. Громова высказывает свою точку зрения следующим образом: «смарт-контракт представляет собой нечто более масштабное и сложное, нежели просто классический договор в электронной форме... в алгоритме смарт-контракта заложена возможность самостоятельного принятия решения об исполнении обязательств по договору при наступлении определённых условий» [7, с.33-43].

Автор при этом разграничивает электронную форму договора и смарт-контракт с указанием на то, что при реализации договора в электронной форме «стороны должны самостоятельно обеспечивать исполнение возложенных на них обязательств» [7, с.33-43], а смарт-контракт, как неоднократно подчёркивалось, реализует данные функции автоматизировано и без учёта действий сторон в ходе самого исполнения обязательства.

А.И. Савельев отмечает, что характер действий смарт-контракта, основанный на автоматическом выполнении действий, определяет, что на правоотношения, организуемые с помощью применения названной технологии и блокчейна, не будут первоочерёдно распространяться основополагающие принципы гражданского законодательства, в частности принцип справедливости и добросовестности. Так, по его мнению, им на смену приходят и ставятся в приоритет принципы определённости и эффективности [13, с.29-45].

Однако представляется целесообразным исходить из концепции, предложенной А.А. Карцхией, в соответствии с которой в рамках организации правового регулирования смарт-контрактов следует исходить из «общих принципов гражданского права и специальных принципов цифрового оборота» [9, с.99].

При этом, конечно, сложно представить, что программа, реализующая исполнение обязательств, будет действовать добросовестно, в рамках закона и с учётом критериев разумности, но принципы гражданского права должны распространяться не на технологию осуществления сделки, а на её субъектов в процессе определения ими условий исполнения обязательства.

Отражён данный аспект может быть исходя из предложенного в теории гражданского права подхода В.С. Белых и М.О. Болобонова, в соответствии с которым предложено дифференцировать условия смарт-контракта на программируемые и непрограммируемые. Вторая группа, в свою очередь, как раз и предполагает закрепление порядка ответственности сторон, порядка разрешения спора, обязанности действовать добросовестно [3, с.459].

Действие принципа добросовестности должно распространяться не только на стороны правоотношения, но оно должно быть также обращено в отношении специалиста, обеспечивающего действие технологии смарт-контракта. Данное умозаключение обусловлено широким спектром возможностей технического влияния со стороны специалиста на проведение сделки при помощи смарт-контракта. Специалист имеет возможность внести, к примеру, неверные данные в программный код, что в дальнейшем приведёт к ненадлежащему исполнению обязательства и нарушит права и свободы сторон в рамках договора.

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что в рамках обеспечения правового регулирования понятия «смарт-контракт» необходимо учитывать не только технические составляющие реализации сделок при его применении, но и соблюдать установленные гражданским законодательством

принципы и общие начала договорных правоотношений. Это позволит определять ответственность участвующих субъектов за правонарушения в рамках проведения подобного рода сделок, тем самым обеспечивая соблюдение правопорядка и сохраняя правовую устойчивость постулатов гражданского права.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – N 32. – ст. 3301.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – N 46. – ст. 4532.

3. Белых В.С, Болобонова М.О. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики. М., 2019, 459 с.

4. Бобров В.С., Власов В.Н., Ефремов И.Е., Кондырев Д.О. Система проведения тендеров на основе платформы Ethereum // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2017, N 3, с. 27-39.

5. Болотаева О.С. Основные направления правового регулирования систем распределенного реестра в условиях формирования цифровой экономики // Вестник СВФУ. 2017, N 4 (8), с. 69-78.

6. Волос А.А. Коллизионно-правовое регулирование отношений, связанных со смарт-контрактами // Международное публичное и частное право. 2020, N 3, с. 24 - 27.

7. Громова Е.А. Смарт-контракты в России: попытка определения правовой сущности // Право и цифровая экономика. 2018, N 2, с. 33-43.

8. Зайнутдинова Е.В. Смарт-контракт: возникновение и развитие в гражданском праве // Предпринимательское право. 2020, N 3, с. 25 - 32.

9. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 99 с.
10. Крысенкова Н.Б. Смарт-контракты в иностранном правовом пространстве // Международное публичное и частное право. 2019, N 5, с. 26-33.
11. Мажорина М.В. О коллизии права и "неправа", реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex russica*. 2019, N 7, с. 100 - 113.
12. Олейник Е.В. Смарт-контракт: понятие и перспективы развития в России // Материалы VI Международного научного конгресса. Теория и практика развития предпринимательства: современные концепции, цифровые технологии и эффективная система / под науч. ред. А.В. Шарковой, О.Н. Васильевой, Б. Оторовой. 2018, с. 307-313.
13. Савельев А.И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016, N 3, с. 29 - 45.
14. Cong L.W., He Z. Blockchain Disruption and Smart Contracts. March 2018. NBER Working Paper No. 24399. P. 10.
15. Temte M.N. Blockchain Challenges Traditional Contract Law: Just How Smart Are Smart Contracts? // Wyoming Law Review. 2019. Vol. 19. N 1. P. 109.
16. Woebeking M.K. The Impact of Smart Contracts on Traditional Concepts of Contract Law. *Jurite*. 2018. N1. P. 110.
17. Перечень поручений по итогам совещания по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере от 21 октября 2017 г.: [Электронный ресурс]// URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899> (дата обращения - 01.07.2021).
18. Проект Федерального закона N 419059-7 "О цифровых финансовых активах" (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018). [Электронный ресурс] // URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения - 03.07.2021).

19. S7 Airlines и «Газпромнефть-Аэро» впервые в России осуществили заправку самолета через смарт-контракт на основе блокчейн: [Электронный ресурс]//URL:<https://www.s7.ru/ru/about/news/s7-airlines-i-gazpromneft-aero-vpervye-v-rossii-osuschestvili-zapravku-samoleta-cherez-smart-kontrakt-na-osnove-blokcheyn/> (дата обращения - 04.07.2021).

20. Rule of Law Versus Rule of Code: A Blockchain-Driven Legal World: [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ibanet.org/LPRU/Disruptive-Innovation.aspx> (дата обращения 02.07.2021).

21. Szabo N. Smart Contracts. Essays on Smart Contracts, Commercial Controls and Security. 1994.: [Электронный ресурс]// URL: <http://www.fon.hum.uva.nl>. (дата обращения - 04.07.2021).